

К. В. Севастов

Социокультурные предпосылки к формированию идентификационного кризиса в культуре постмодерна

Анализируется феномен кризиса персональной идентификации субъекта в контексте общекультурных постмодернистских трансформаций. Предпринята попытка проследить кризисные обострения личностной идентификации субъекта в ключевой исторический период западной культуры XX в., а также в моменты глобальной смены философской парадигмы. В рамках данного анализа автором выстроена оригинальная модель описательной характеристики формирования идентификационного кризиса, которая в свою очередь затрагивает ранее не рассмотренные нюансы постмодернистской хронологии. Полученные данные наглядно продемонстрировали связь идентификационного кризиса личности с трансформацией философской мысли, а также с переломными историческими событиями. Результаты исследования не только углубляют понимание феномена идентификации, но и открывают новые горизонты для дискуссий о связи философии и индивидуального сознания в контексте изменяющегося мира.

Ключевые слова: культура постмодерна, постмодернизм, субъект, кризис идентификации, идентичность, метанарратив, культурный модерн, аксиологический ацентризм.

K. Sevastov

Social and cultural prerequisites for the formation of an identification crisis in postmodern culture

The article analyzes the phenomenon of the crisis of personal identification of the subject in the context of general cultural postmodernist transformations. The author attempts to trace the crisis exacerbations of the subject's personal identification in the key historical period of Western culture of the twentieth century, as well as in moments of global change in the philosophical paradigm. Within the framework of this analysis, the author has built an original model of descriptive characteristics of the formation of the identification crisis, which in turn touches on previously unconsidered nuances of postmodernist chronology. The data obtained clearly demonstrated the connection between the identification crisis of the individual and the transformation of philosophical thought, as well as with turning points in history. The results of the study not only deepen the understanding of the phenomenon of identification. They also open up new horizons for discussions about the connection between philosophy and individual consciousness in the context of a changing world.

Keywords: postmodern culture, postmodernism, subject, identification crisis, identity, metanarrative, cultural modernity, axiological acentrism.

Проблема персонального самоопределения является ключевой на всех этапах развития как философской мысли, так и социокультур-

ных исследований и практик. В контексте постмодернистской культуры вопрос о личностной составляющей субъекта обретает особую актуальность, так как укоренившаяся в традиции результативность идентификационных процессов уже не отвечает на запрос нестабильной культуры. Соответственно, *цель статьи* – проанализировать культурно-исторические события XX в. с учетом их корреляции с процессом персональной идентификации субъекта.

Несмотря на то, что термин «постмодерн» впервые упоминается в работе Рудольфа Паннвица «Кризис европейской культуры» [14], в настоящее время дискуссионным является определение хронологических рамок постмодернистского течения как ступени в развитии социальных систем. Безусловно, период еще не на завершающей стадии своего развития, однако и о дате начала не существует единого мнения в философских кругах.

А. Дж. Тойнби в работе «Постижение истории» [11] определил эпоху, начатую Франко-прусской войной, как «эпоху постмодерна». Приблизительно до 1875 г. «два господствовавших ... института – индустриализм и национализм – действовали сообща...», а после 1875 г. началась регрессия: «индустриальная система стала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер, тогда как система национализма стала проникать вглубь, в сознание национальных меньшинств...» [Там же, с. 23].

Существует и менее популярная теория, связывающая начало эпохи постмодерна с гибелью британского лайнера «Титаник», наивысшего достижения инженерной мысли начала XX в. Символ человеческого прогресса под лозунгом «Даже сам Бог не сможет потопить этот корабль!» [6] не устоял перед силой природы, тем самым подорвав не только модернистский идеал человеческого гения, но и саму идею научно-технической революции.

В истории западной культуры допустимо отождествление начала эпохи постмодерна со временем определенных социально-политических настроений в Западной Европе во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. Остановимся подробнее на ***студенческом движении в ФРГ и Западном Берлине в 1960-е гг., студенческих выступлениях в Париже в 1968 г., культурной революции в Англии в 1970-х гг.***

В Германии общественная активность вначале представляла собой реформационное движение, направленное против устаревания системы высшего образования, затем она переросла в полномасштабную осознанную политическую активность немецких студентов. Протестующая молодежь бросила вызов старшим поколениям, ставя им в вину прошлые национал-социалистические убеждения, которые не только привели к миллионным жертвам войны, но и к последующему разделу Германии. Студенческие протестные выступления в ФРГ и Западном Берлине

(1960-е гг.) носілі характар масовых недовольстваў. Рэакцыя моладзеі на абозначыўшыся крызіс модели «социального государства» прыбрала формы выступленняў супраць партыйнай сістэмы; пратэстаў адносна прысутства былых нацыстаў на дзяржаўных і ўрадавых пасадах; ігнаравання квот на пераход сацыяльных свабод; несагласна з прыняццем чырывычайных законаў; астрой крытыкі монополізацыі сродкаў масавай інфармацыі; возмущенія по прычыне растуаьей безработіцы і сацыяльнай незаащашченнаста срады моладого пакалення.

В даальнейшем студенческое движение приобрело всеобъемлющий, сфокусированный характер, критикуя не только социально-политическое положение в целом, но и всю систему ФРГ.

Безусловно, данные события имели серьезные последствия для возникновения определенных социокультурных трансформаций, тем более в обществе, чьи приоритеты если и не менялись столь стремительно, как того желало студенческое движение, то хотя бы по причине появления альтернативного массового мнения. Однако движение распалось на отдельные группировки, которые больше значения придавали конфликтам друг с другом, чем изначальной социально-политической активности.

Тем не менее студенческое движение в Германии содействовало заметному росту самосознания молодежи и участию в общественно-политических процессах страны и на международной арене. Идеи студенческого движения ФРГ и Западного Берлина взяты за основу такими группами гражданского общества Германии, как феминистское движение, пацифисты и неопацифисты, работники в сфере образования; движения экологов, художников, владельцев недвижимостью, а также движение, выступающее за Международную амнистию.

После десятков лет беспрецедентного экономического роста во Франции произошел социально-политический кризис, повлекший за собой массовые демонстрации, которые в конечном итоге завершились сменой правительства, политическими реформами и в целом колоссальными переменами во французском обществе.

Так, с начала 1960-х гг. после поражения в колониальных войнах во французском обществе стали назревать настроения, имевшие в своем основании резкое переосмысление как социально-политических реалий, так и социокультурных устоев. Основными причинами этих процессов были:

- *постколониальные экономические проблемы*. Франция перестала быть империей, ее попытка реализовать доктрину французского неоколониализма в Алжире и Индокитае закончилась неудачей;

- *демографический кризис*. Повзрослевшее поколение, с которого начался резкий демографический скачок после Второй мировой войны,

не только не смогло найти себе место в системе высшего образования, но и трудоустроиться в целом. Общественная структура и система государственных институтов того времени не была готова к преобразованию под подобный массовый социальный запрос;

– *политический курс*. Молодое поколение не поддерживало консервативное правление генерала Шарля де Голля, которое пыталось монополизировать не только экономическую отрасль, но и средства массовой информации, а это в свою очередь вызвало еще больший протест со стороны французского общества.

Важно отметить, что старшее поколение и молодежь нашли общие точки соприкосновения в столь нестабильном положении вещей – вскоре к студенческому движению присоединились профсоюзное движение и движение рабочих. Безусловно, их социальные ожидания были разными, что делало общее социально-политическое движение еще более неподдающимся правительственному контролю.

После многочисленных массовых акций в стране произошел ряд трансформаций во французском обществе. Например, были приняты законы, которые гарантировали бы трудовую и социальную защищенность наемным работникам, а Франция в целом взяла курс на формирование социально ориентированного государства.

Не прошли незамеченными и студенческие выступления: уже к концу 1968 г. было принято решение о лишении Парижского университета Сорбонны монополии среди французских университетов. Также во всех университетах страны были созданы студенческо-преподавательские советы, которые могли контролировать внутреннее распределение материальных средств, формировать университетскую политику, определять форму обучения, избирать руководящий состав факультетов и даже ректора.

Таким образом, постепенно французское общество стало меняться. И не только по части социально-политического устройства, но и в контексте социокультурной реальности.

Культурная революция в Англии в 1970-х гг. стала отражением массовой безработицы среди молодого населения, сравнимой по масштабам лишь с довоенным периодом, что привело к состоянию социальной безысходности и культурной бесперспективности, которые стали причиной многочисленных молодежных протестных акций против действующей правительственной системы.

Важно отметить, что в Англии молодежное движение обрело иную форму, которая выражала общественные настроения через искусство и образ жизни. Формирование новой субкультуры, вобравшей общесоциальную повестку неудовлетворенности, привело к появлению у молодого поколения контркультурных настроений, отрицающих старые

и утверждающих новые культурные формы, а впоследствии к образованию массовой в общемировом контексте субкультуры панков.

Следует уточнить, что движение панков в большинстве состояло из молодых людей среднего класса и подростков из обеспеченных пригородных районов, а не жителей трущоб, как стереотипно и ошибочно считается.

Таким образом, несмотря на то, что английские перемены в общественном самосознании не привели к глобальным изменениям на уровне социально-политического устройства государства, на культурном уровне произошли значительные трансформации, которые по мере развития повлияли на такие феномены культуры, как музыка, киноискусство, мода и др.

Негативные социально-экономические тенденции в обществе, такие как безработица, рано или поздно приводят к общекультурным и социальным изменениям, а именно: «...демонстрируют полную смену предыдущей системы <...>, меняют место труда в жизни человека <...>, то, что раньше определяло образ жизни подавляющего большинства...» [2, с. 74].

Безусловно, подобные политические и социокультурные трансформации не могут пройти незаметными и для личностного самоопределения. Они полностью меняют не только привычный уклад социального бытия, но и идентификационные процедуры субъекта, который вынужден прибегать к самодетерминационному поиску в новых реалиях культурной действительности, так как «... люди в определенной мере теряют смысл жизни, исчезает сфера признания, причастности человека к главному делу своей жизни <...> получаем своеобразный кризис самоидентификации» [Там же].

Академик В. С. Стёпин писал: «В развитии общества периодически возникают кризисные эпохи, когда прежняя исторически сложившаяся и закреплённая традицией “категориальная модель мира” перестает обеспечивать трансляцию нового опыта, сцепление и взаимодействие необходимых обществу видов деятельности. В такие эпохи традиционные смыслы универсалий культуры утрачивают функцию мировоззренческих ориентиров для массового сознания. Личный опыт все большего числа людей уже не согласуется со смыслами “обжитых” универсалий. Эти переломные состояния жизни – первый сигнал того, что что-то не в порядке с самими мировоззренческими основаниями, с фундаментальными ориентирами жизни. Они ломаются, создавая ситуацию <...>, когда люди не знают, что взять из прошлого, что адресовать будущему, <...> на какие образцы поведения и деятельности ориентироваться. Общество вступает в полосу духовного кризиса. Жить в такой ситуации, когда рушатся старые универсалии, а новых еще нет, очень тяжело.

<...> Общество вступает в полосу интенсивного поиска новых жизненных смыслов и ценностей, призванных ориентировать человека, восстанавливать утраченную “связь времен”, воссоздать целостность его жизненного мира» [10, с. 209].

Так, культура постмодерна, отказавшись от больших нарративов и общечеловеческих идей, обращается к своего рода нюансам как социального, так и исторического опыта; к неточностям и парадоксальностям в истории развития культуры [7, с. 25–26].

Важно, что «многие деятели постмодернизма испытали влияние психоанализа и настаивали на том, что психоаналитический метод может применяться и по отношению к культуре. Они стали говорить и о комплексах, и о невротизации культуры, и о ее маниях, фобиях. Жизнь культуры предстала как сложный процесс обретения культурой себя» [Там же, с. 26]. В целом это подтверждает постмодернистскую преемственность и использование готовой формы, а также пересмотр предыдущих оснований для последующей рефлексии над состоянием культуры нового типа.

Так, предшествовавшая постмодерну эпоха модерна со свойственной ей безоговорочной приверженностью к концепции абсолютов, не оправдав социальные ожидания относительно стремлений человеческого разума к наивысшей точке для достижения всеобщего блага, была вынуждена прибегнуть к экспектации иного рода – самопересмотру. Это привело к новому этапу состояния культуры – постмодерну, который привлек к себе внимание именно как стадия модерна – «культурный модерн» [12, с. 42].

Тем не менее сомнения в зарождении именно нового состояния культуры развеялись, когда им заинтересовались такие приверженцы марксизма в прошлом и адепты высокого модерна в последующем, как Ж.-Ф. Лиотар и Ю. Хабермас [1, с. 60–61].

Так, Ж.-Ф. Лиотар первоначально считал постмодерн не чем иным, как «внутренним развертыванием самого модерна» [Там же, с. 61]. Затем, описав разворачивающийся и абсолютно не свойственный модерну кризис метанарративов, Ж.-Ф. Лиотар выделяет постмодерн как новое состояние культуры, мягко обозначая его как «недоверие в отношении метарассказов» [5, с. 10], а впоследствии и вовсе нарекает постмодерн «парадоксом предшествующего будущего» [4, с. 32], поясняя, что «...художник и писатель работают без каких бы то ни было правил, работают для того, чтобы установить правила того, что будет создано: еще только будет – но уже созданным» [Там же, с. 31–32].

Рассмотрение Ж.-Ф. Лиотаром концептуализации постмодерна как альтернативы модерна обосновано, так как постмодерн из-за отсутствия какой-либо самостоятельной производительности несостоятелен [9, с. 48].

Ю. Хабермас отрицает трактовку постмодерна как оппозиционного модерну «проекта европейской философии» и проводит новое понятие через призму авангардизма [12; 3]. Однако впоследствии Ю. Хабермас признает наличие перехода от модерна к постмодерну [13], но с трудом может его объяснить, утверждая, что «постмодерн включен в повестку дня, но без интеллектуальной интеграции» [Цит. по: 1, с. 61].

В процессе становления постмодерн охарактеризовал себя, с одной стороны, как культурный сдвиг в культурной жизни общества; с другой – как реакция на кризис идей эпохи уходящей. Данный переход от модерна к постмодерну не тенденциозен или, тем более, революционен – он ожидаем и логичен [9, с. 48].

Тем не менее призванный исправить фактическую недоступность моральной идеалистичности, с которой столкнулась эпоха модерна, постмодерн претерпел неудачу, ввергнув состояние культуры в целом в стадию затяжного кризиса. А именно: постмодерн, критикуя концепцию абсолютной истины, тем самым пытаясь ее устранить, ничего не предлагает взамен, за исключением, конечно, использования постоянных интерпретаций, готовых форм и аллюзий, а также общей ироничности, и утверждая, что все в этом мире – вторично [Там же].

В такой социокультурной нестабильности вслед за культурой кризису подвергается и персональная идентификация субъекта.

М. А. Можейко, описывая понятие кризиса идентификации, акцентирует внимание на аксиологическом ацентризме современной культуры, а также на «идее микшированности культуры, своего рода перемешивании в конкретных культурных контекстах фрагментов культурных традиций, образующих принципиально несистемную мозаику» [8, с. 56]. Исходя из этого, можно предположить, что ввиду отсутствия системности, а значит и невозможности к стабильной психологической ассимиляции, процесс самоидентификации и есть основное направление развития культуры постмодерна. М. А. Можейко приходит к заключению, что своего рода поиск идентификационной принадлежности и есть одно из основных направлений к преодолению кризиса идентификации, и определяет этот этап как эволюционный в культуре постмодерна [Там же, с. 60].

Таким образом, можно сделать вывод, что кризис персональной идентификации возникает в переломные моменты истории, когда происходит глобальная смена общекультурной парадигмы. В свою очередь культурная трансформация вынуждает субъекта адаптироваться к новым условиям, к которым он одномоментно не готов. Соответственно, идентификационный кризис субъекта, находящегося в самодетерминационном поиске, не позволяет ему приобщиться к новой культурной реальности, что и приводит к движению по кругу: кризис культуры вы-

зывает кризис идентификации, который в дальнейшем усугубляет уже существующий кризис культуры.

1. *Андерсон, П.* Истоки постмодерна / Перри Андерсон ; пер. с англ. Алексея Апполонова ; под ред. Михаила Маяцкого. – М. : Территория будущего, 2011. – 201 с.
2. *Европейская культура: XXI век* / Е. В. Водопьянова, Н. М. Антюшина, Д. В. Галкин [и др.] ; под ред. Е. В. Водопьяновой ; Рос. акад. наук. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. – 480 с. – (Серия «Старый Свет – новые времена»).
3. *Кабанова, Л. И.* Модерн и модернизм: пути и траектории становления в европейской и русской культуре / Л. И. Кабанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : сб. ст. / ред. кол.: А. И. Демченко (гл. ред.) [и др.]. – Тамбов, 2011. – № 6 (12). – Ч. 3. – С. 86–89.
4. *Лиотар, Ж.-Ф.* Постмодерн в изложении для детей : письма 1982–1985 / Жан-Франсуа Лиотар ; пер. с фр. и общ. ред. А. В. Гараджи. – М. : РГГУ, 2008. – 145 с.
5. *Лиотар, Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
6. *Логвиненко, А.* Природа, погубившая «Титаник» / Антон Логвиненко // ИИСТ. – 2016. – URL: titanicsociety.ru/priroda-pogubivshaya-titanik/ (дата обращения: 12.02.2025).
7. *Марков, А. В.* Постмодерн культуры и культура постмодерна. Лекции по теории культуры / А. В. Марков. – М. : РИПОЛ классик, 2021. – 256 с. – (Лекции PRO).
8. *Можейко, М. А.* Парадигма антипсихологизма в художественной культуре XX–XXI вв. / М. А. Можейко // Искусство и культура. – 2017. – № 1. – С. 52–60.
9. *Севастов, К. В.* Феномен образования в контексте культуры постмодерна: кризисные тенденции и поиск путей их преодоления / К. В. Севастов // Вестник Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия 1: Философия. Политология. Социология / Брест. гос. ун-т. им. А. С. Пушкина ; редкол.: А. Н. Сендер (гл. ред.) [и др.]. – 2022. – № 1. – С. 47–52.
10. *Стёпин, В. С.* Цивилизация и культура / В. С. Стёпин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с. – (Классика гуманитарной мысли ; вып. 3).
11. *Тойнби, А. Дж.* Постигание истории / Арнольд Джозеф Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова ; ред. В. И. Уколова. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 640 с.
12. *Хабермас, Ю.* Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
13. *Хабермас, Ю.* Философский дискурс о модерне / Юрген Хабермас ; пер. с нем. М. М. Беляева. – М. : Весь мир, 2008. – 416 с.
14. *Pannwitz, R.* Die Krisis der Europäischen Kultur / Rudolf Pannwitz. – Nuernberg : Hans Carl, 1917. – 280 S.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 18.02.2025.